

Восточный герб царей

Длительное время в России наряду с двуглавым орлом существовал и другой высший геральдический знак – тугра. Но широко известен не был ни в XVII веке, когда тугра "находилась на службе", ни позже, когда вышла из обихода. Она осталась незамеченной даже знатоками отечественной геральдики. Само слово "тугра", знакомое у нас только узкому кругу исследователей и поклонников истории Востока, традиционно относилось лишь к гербам турецких падишахов, египетских султанов-мамлюков и крымских ханов. Трехзнаменный символ власти и суверенной исключительности восточных владык изображался на монетах, украшал их послания другим государям, указы и жалованные грамоты многочисленным подданным. Одним из высоких адресатов падишахов и ханов были российские цари, в архиве которых постепенно образовалась значительная коллекция грамот с турецкими и крымскими туграми. Неизвестно, сколько времени тугра оставалась затворницей царского архива, но уже с 20-х годов XVII столетия она встречается на сохранившихся посланиях российских самодержцев восточным монархам и владетелям. Пятизнаменный золотой знак московских государей в течение многих десятилетий (по меньшей мере до начала XVIII столетия) удостоверял и украшал их послания многим властителям Востока: падишахам Великих Метолов в Индии, персидским шахам, монгольским алтын-ханам, крымским, хивинским, бухарским ханам, калмыцким тайшам. На грамотах из Москвы тугра заняла то же ключевое место, какое принадлежало ей на грамотах падишахов и ханов: над первой строкой текста послания, в середине листа. Сравнительно крупное сияющее золотом изящное изображение тугры воспринимается как впечатляющая доминанта всего художественного пространства царских грамот. Здесь уместно заметить, что в эпоху средневековья изобразительное решение посланий и других грамот носителей высшей власти подчиня-

лось строгому канону. Расположение элементов текста и оформления, сама стилистика письма имели символическое значение в посланиях восточных владык. Тутра, в частности, должна была соединять "небо" и "землю", "Бога" и "человечество". В российских грамотах ее сакральное предназначение выражено не столь ярко, на первый план выходит ее утилитарная функция как знака – свидетельства монарха, отправителя послания, но и этого достаточно, чтобы она осталась ключевым элементом эстетического и текстуального поля грамоты. Особенно сильно выражено доминирующее положение тутры в послании царя Михаила Федоровича наследнику крымского престола Ислам-Гирею. Здесь восприятие ключевого знака предваряется перешедшей из турецкой или крымской дипломатики формулой "Ху" ("Он", т.е. Бог), написанной золотом у верхней кромки грамоты. Ниже следует тутра, еще ниже – первые, тоже золотые, строки текста послания: "Тенри табарик ве тагалинин рахими ве инайети берлен.." ("Бога благословенного и всевышнего милостью и благодатью..."). Российская тутра должна была производить самое выгодное впечатление на адресатов русского царя. Она имела несколько иной рисунок, нежели османский и крымский образцы, но увеличение числа вертикалей – знамен не сделало ее более тяжелой в сравнении с прототипами. Особенной легкостью силуэта отличается тутра упоминавшейся грамоты Михаила Федоровича, в которой было найдено оптимальное соотношение между линией и окололинейным пространством, достигнута высочайшая организация графического материала. Взвившиеся над "ладьей" (буквой "би") тонкие древки восточных знамен воспринимаются как звонкий музыкальный аккорд, поднявшийся до немислимой высоты и ниспадающий вниз струящимися линиями знаменных хвостов. Их стремительное движение пронизывает основание тутры и растворяется в спокойном изгибе шлейфа (буквы "нун") влево от "корпуса" тутры. "Звучание" знака усиливалось золотым сиянием его линий. Позже тутра приобрела более статичный, степенный облик, но не утратила своего изящества.

Тугра царя Михаила Федоровича

Изобразительный язык российской тугры, так же как турецкой или крымской, основывается на образности арабской художественной каллиграфии. Однако очевидно присутствие и иного, предметного, изобразительного языка, что нашло выражение в первую очередь в трансформации букв "олиф" и "лям" в знамена ("туки", "санджаки", "бунчуки"), символизирующие высшую власть. В поздних, петровских, туграх "олиф-лямовы" вертикали и хвосты приобрели некоторый геометризм и стали напоминать паруса, а знак в целом – корабль. Сегодня тугра Петра воспринимается как сложная изысканная контаминация арабской каллиграфии и двух предметно-изобразительных рядов: первый (знамя) – восточный ряд, второй (корабль) – европейский. Но что прочитывал иранский шах или император Великих Моголов в адресованном им знаке московского царя, какой словесный ряд прятался за гордыми знаменами российской тугры? Ответить на этот вопрос непросто, так как слова располагаются в тугре по своим особым правилам, а буквы подвергнуты сильнейшей стилизации, поэтому большинство тугр по сложности их прочтения близки к криптограммам. Разгадать же восточную криптограмму российского происхождения по просьбе автора этих строк смог блестящий знаток арабской палеографии Дмитрий Александрович Морозов. "Би-инайат-Рабби-лаламин" ("милостью Владыки миров"), – прочитал он, сопоставив поздние, чрезвычайно трудные для понимания тугры с ранними, менее стилизованными. На торжественных посланиях российских самодержцев в золотом одеянии геральдического знака сияла древняя арабская богословская формула! Это

означает, что не только каллиграфия роднила тугру россиян с арабским миром. Родство здесь на порядок выше. Одно из коранических имен Аллаха соединяло две цивилизации – Запад и Восток. Россия – извечный посредник их диалога – обращалась к восточному миру на его же языке, доказывая свою особенную близость к нему. В то же время лексическое содержание российской тугры дистанцировало ее от канонических ориентальных образцов. Османские, мамлюкские и крымские правители вписывали в тугру свое имя и основной титул, нередко имя и титул отца. Лексическая формула турецкой тугры заканчивалась словами "всегда победитель", крымских – "слово мое" или "слово наше". Российские же монархи избежали персонификации тугры – в полном соответствии с европейскими представлениями о геральдике, не допускавшими какого-либо изменения в гербе при перемене государя или смене главы дворянского рода. Влияние европейской традиции на лексику российской тугры сказалось и в выборе самой богословской формулы. Из множества традиционных для народов Востока формул в Посольском приказе выбрали ту, которая была ближе всего к принятой в европейских грамотах начальной формуле "Божьей милостью". Это отнюдь не означает, что знаковый смысл российской тугры может быть подвергнут сомнению. Тугра имела все необходимые качества парадного знака: раз и навсегда определенный изобразительный канон, символическая заданность художественных средств, опознавательное и удостоверительное предназначение. В качестве знака царских посланий она была включена в "Титулярник" царя Алексея Михайловича. Нет сомнения в том, что и для российских государей, и для их адресатов тугра царских грамот являлась аналогом тугр падишахов и ханов, тождественных им по своему значению. Тугра российских самодержцев предлагала миру совсем иной образ государства Российского, нежели величественный двуглавый орел, изображение которого тоже сопровождало все восточные грамоты московского правительства. Но противостояние между тугрой и орлом лишь кажущееся. Обе эмблемы составляли как бы парадную свиту посольской грамоты и великолепно дополняли друг друга: большая или средняя государственная печать с орлом красовалась на внешней стороне грамоты – тугра находилась на внутренней стороне; двуглавый орел воплощал величие

Российской державы – тугра напоминала о близости этой державы миру Востока; орел охранял и символизировал неприкосновенность послания московского царя – стремительный взлет вертикалей тугры предвосхищал праздничное шествие его торжественных строк. Собственно, российский двуглавый орел близок к тугре не только соседством на грамотах. Вполне вероятно, что его происхождение связано с мусульманским миром не в меньшей степени, нежели с геральдикой Священной Римской империи и Византии. Двуглавый орел был широко известен на Руси по ордынским монетам, ходившим здесь в XIV – XV столетиях. Перенесение изображения с джучидских монет на русские монеты второй половины XIV века и чеканка монет с аналогичным изображением в русских княжествах XV века отмечались известным русским нумизматом А.В. Орешниковым (Орешников. 1899. С. 13 – 14; 1896. в 54 – 55. Табл. 1. Рис. 14 – 15; № 321 – 322. Табл. IV. Рис. 181 – 182; № 641 – 643. Табл. XI. Рис. 489 – 490; Фасмер Р. С. III – 112). Российская тугра уникальна. В истории русской геральдики аналогов ей нет. Но в более широком контексте, на фоне русской средневековой культуры, открытой Востоку ничуть не меньше, чем Западу, она не одинока. Ее место – среди множества явлений русской культуры, связанных родством с Востоком, рядом со сказочной птицей Гамаюн, разноцветьем куполов Василия Блаженного, Боровинкой башней Московского Кремля. Тугра – гостья русской культуры, навсегда оставшаяся в ней прекрасная незнакомка из духовного наследия поздней Руси – ранней России.